

Второе неопалимое прещение земель

Павел Окресный родился в называемой по сходности своей прочим благополучной полной семье, в которой решительно ничего не происходило до шестнадцатилетия мальчика, тогда заканчивающего девятый класс довольно обыкновенной присутственностью равно неприятных и добротных после моментов школы: общем, прежде Павел был даже приторно непримечательным, и непримечательность та чаще выражала в нём положительные качества: с раннего детства он решался проводить долгие, почти во всех иных ровесных случаях коротаемые за собственными увлечениями, коих у Павла вовсе не было, дни в помощи родителям; дети его возраста находили мальчика удивительно бессловесным и скучным: часами он мог довольствоваться самыми заурядными, нисколько не становящимися причиной сходных же впечатлений даже у взрослых, искушённых динамичностью скорее устремляющегося ко отвлечению ото одного дела своего людей видами, за тем не умея и объяснить собственное пристрастие: вероятно, в крупном городе, в котором жила семья Окресных, не было человека смиреннее: все тяжести, полагающиеся на него, Павел сносил совершенно бесстрастно и будто с любовью, за тем, в чём не мог сомневаться никто, включая самого парня, не имея никакого теоретического объяснения своей особенности: Павел во природной своей самости способен был без неприглядного долгого, куда более тяжёлого в случаях цветных, выдающихся одним качеством, основывающим округ себя и называемое личностью, людей выучивания адаптироваться к самым разнообразным условиям, и эта деталь души его стала особенно явной, когда незадолго до семнадцатилетия подростка отец Павла повесился на люстре, нависшей в его комнате покрытыми чернотой лоснящихся жирами туч небесами. Павел первым увидел тело отца: высохший кончик языка, отдавленного зубами, на конце своём ранее славливал тяжёлые ониковые капли маслянистой крови: бурая, едва просвечивающаяся за белым, натягивающим свернувшуюся будто готовившимся мощным, способным выплеснуть сейчас на сына стухшие, стонущие желтоватой, сливающейся оперво пеной органы отца нарывом кожу шнуром борозда на шее: когда Павел увидел это, он уже знал, что отец его мёртв, и со знанием этим подошёл к чуть пошатывающемуся безмолвному, уперевшему под еле спавшими, обретшими тот же трупный, почти лишённый пятен цвет веками вздувшиеся смоляными рыбьими пузырями глаза трупу и ощупал пульс на нём, перед этим сокрыв кожу свою тканью опотевшей коричневатостями сбитых стрелок тянущихся оземь брюк школьной рубашки. Все знали: все были уверены в том, что произошедшее станет сильным ударом для мальчика, и Павел действительно на протяжении примерно трёх месяцев был невыносимым бесцельному, чаще единственно и объединяющему людей разговору: глаза

его потеряли бывший яркий, говорящий оперво о готовности помочь блеск, однако длилось это лишь три месяца: всем казалось, что одного самоубийства отца будет достаточно, и всё тише и тише звучали для окружающих слова самого Павла: все только мимолётною перхотой быстро спавшего невестностию своих недолжностей дыма настали слова оперво даже довольно подвижного во речах Павла: никого не интересовало, что же за день до самоубийства сказал ему пьяный, словно обыкновенно говорящий подобное во подобном состоянии отец: никто не хотел помогать ему после произошедшего, хотя все и освиняли нависшие салами внимания своего добролюбия горла готовности помочь, отчего-то низвергающиеся при предметных уточнениях своих: никто не знал и даже не спросил, где теперь спит сын, в комнате которого было найдено повешенное тело его отца: злые языки, относящиеся к людям, занимавшимся произошедшим во должной формальности, были некомпетентны и ленивы, и потому с тех сторон, будь то школа или полиция, Павел не мог найти поддержки или хоть мгновения внимания: мать его начала пить и через неделю стала водить в дом, где повесился муж, его коллегу, безобразного во существе своём и совершенно приятного внешним нелепым обозрением мужчину, всегда карикатурно закатывающего облезшие потом чёрные рубашки, обнажающего чуть овласевшую худую, едва достойную подобного выделения грудь и довершающего абсурдности иногда оказывающегося при касательности зрения о нём образа своего солнцезащитные очки, видимо, ставшие результатом вдохновения человеком, столь же схожим с собой: совершенно поверхностным, грязным, глупым и смешным. За день до самоубийства отец Павла разбудил уже уснувшего привычной ранью десяти часов вечера мальчика рокотливым, непривычно содрогнувшим стены обыкновенно стоящих неподвижностью стен обращением: прежде отец его не пил вовсе, и момент этот довольно сильно удивило Павла, привыкшего сталкиваться скорее с вещами, имевшими уже проторённое привычностию свершаний своих решение: тогда, думается, Павел и настал другим человеком: уже не слепо следующим расписанного во подробных деталях плана сотрудником, но довольно универсальным, хотя и остающимся исключительно о границах своих обязанностей работником; озеленевшая вонь сбившегося кислой рвотой спирта, сглатывающаяся изо кариозного рта отца, помогла Павлу пробудиться ото ещё смешивающего бред скатывающих органы свои во обезображенные геометрической складностью формы тел существ сна, и сын рассмотрел случившееся, как рассмотрел бы очередную ясностью возможного решения задачу, что и повлияло на отца самым неприглядным, стоптавшим иные сомнения причин смертей его образом: отец, стравливаемый на работе группой коллег, начинающих под слогом того из них, кто после возлёт с матерью сына его, постепенно переставал быть основой своей семьи: лишившись уважения или хоть человеческого обращения на единственном месте, где он успевал сказать хоть слово, семья, в которую он

попытался уйти, обрета утерянную проведёнными за бесполезными карьеристскими, приставляющими его от одного простого задания к иной недолжноц, продолжаемой тогда ещё присутствовавшим влечением к выдуманному людьми, как раз это своим работникам и обещающим, успеху интриге устремлениями годами теплоту: в семье же оказалось, что мужчина, едва участвовавший в делах отне собственной гордыни и праздной прожорливости, потерял не просто лицо, но тело: он лишился тела в мире, где люди не верят в душу, и по-настоящему жена уже давно не видела в нём и человека: спровоцированные им во великом усердии тяжёлые, тянущиеся незаинтересованностью жены и отчаянностью мужа разговоры были несносимее унижения на работе, где любое слово в сторону своего оправдания становилось причиной продолжительных, оплёвывающихся слюною жирных офисных ленивцев, раздающихся во стенах здания, как в ночь эту раскололись крики отца Павла, насмеханий: он кричал, и крик его был страшен, мрачен и силён, однако Павел не боялся, ибо знал, что страх во подобном случае будет непродуктивен, и тогда последним, на чём сорвался отец повторяющего про себя стихотворение к завтрашнему дню подростка, стала неудача и во собственном зле: он не смог не только продолжить довольно безобразную линию осыпающегося позолотой обмана и гордости своих и наладить отношения с женщиной, некогда находящей в его гордыне подспорье для собственного, надуманного уже совершенным, сточившим за годы отупевшего бездельем и мягкостью матрацев домохозяйства бездействием величия, но и быть плохим человеком даже для самого слабого, самого уязвимого в глазах его человека; тогда он завопил проклятья к Павлу, и тогда обещал, что повесится в его комнате, пока тот будет спать, после чего уже законченный ненавистью и горем мужчина разорвал на себе подавшауюся со второй неловкой, всё же одно чуть сорвавшей то попытки рубашку, оглушающим раскатом грома стукнув треснувшей над ручкой межкомнатной дверью; после оказалось, что в этот день отец Павла отдал начальнику заявление об увольнении, после чего был снова осмеян уже известной группой коллег, ночью подравшись с группой подростков, равных по возрасту его сыну: перед смертью он не написал записки, однако косметикой скрыл главные признаки своих избиений, сколь то позволили возможности и дрожащие трусостью руки его. Павел знал, что жизнь есть тяжёлое испытание, и он не был христианином, чтобы иметь силы направить себя во испытании этом ко смирению: Павел вновь видел всё подобным заданию, во котором не имеет права ошибиться, как ошибся его отец: после смерти родителя мальчик стал грубее и строже, однако по-прежнему оказывал всем чрезвычайные поддержку и доброту, и так все забыли о боли Павла, вновь посчитав его заурядным, не представляющим личностью своей интереса парнем. Мальчик закончил школу и без труда поступил в относительно уважаемый знаменем пафоса своих выпускников университет: учёба давалась Павлу тяжело: в отличие от школьных предметов, проходящихся

по действительной теории только окромя, университетские дисциплины порой требовали личного усилия или хоть особенности, позволяющей человеку продолжать изучать вещи, которые он не мог и понять: будучи совершенно бесцветным, Павел столкнулся с вещью, наконец требующей чего-то иного, чего-то, словно отыскивающего во нём человечность, однако этой человечности в нём не было; закрыв первую сессию огромными механическими, не оставлявшими времени на сон и еду усердий, когда праздные глуповатые ровесники справлялись с тем без особых усилий, проявленных только ветхою пошлою несодержательною увлечённостью; вторая сессия далась Павлу тяжелее: не сдав первые два экзамена по причинам случайным, ставшим единственно несовпадениями выученных и попавшихся билетов, Павел окончательно сломал себя: третий экзамен был едва сдан на тройку, когда во время поездки на четвёртый, к которому он не был готов, Павел упал в обморок в опустевшем, провёзшем его так ещё одиннадцать остановок автобусе; через месяц девятнадцатилетний парень, хотя от того его все и отговаривали, подал заявление об отчислении: Павел не смог снести это: оказалось, что заурядность его есть не просто детское усердие, но слабость ума и наивность сердца: Павел решил, что не смог снести задание, и потрясение это было первым, что означило его неспособность: ещё месяц Павел прожил в темноте комнаты, что скоро должна была начать делиться с ребёнком ещё беременной матери от коллеги отца, и месяц этот впаивал очерневшие мраком глаза Павла, пока он не решил их выколоть; оржавевшая дешёвая шпиговальная игла матери, которую она использовала последний раз ещё при живом муже, едким звонким хрустом проходила в уже лишённое чувства тело Павла: ровно сведя оба глаза к спадающей маслянистыми опухольями распластавшихся по всей квартире луж каше, Павел нащупал сокрытые от матери в своей комнате отцовскую табуретку и шнур, которые он не отдал оглушающим теперь главу его мыслями о будущих гадких, стонущих славою собственных ума и сил разговорах злым языкам, с трудом овязал на всё той же, ещё скрывающей уже стаившиеся от Павла пятна расчищенной узорами свившихся плетей пыли люстре шнур и послушным движением неизменно ясно стукнувшей по дешёвой, еле стоящей табуретке ноги сбил под собой всегда уносящую его не туда землю: Павел повесился: Павел умер, и очень скоро о нём забыли, как забыли и о том, как ему отказывали улыбающимся, подстраивающимся дружелюбными актёрствами под собеседника оскалом в помощи; как преподаватели смеялись с его глупости, как подобный человек вообще мог решить поступить в университет; как он проводил смешные иным усердные, совершенно безрезультатные ночи за учёбой; как нелепо ему улыбался новоприобретённый отчим; как быстро мать его забыла отца его, как много пила она и оставляла подростка одного; как он спал в комнате, где повесился его отец, проклявший его ночью, которой он повторял стихотворение, сданное после на тройку из невыразительности

прочтения; как никто не считал человеком ни Павла, ни отца Павла, и каким удобным оказался механизм самоубийства людей, не нашедших себе места в выученной топорной неизменностью системе, только отвлекающейся на чем-то отличавшихся от молчаливо терпящих насилие над собой и своими близкими: в системе, где с самого начала не было места отдельным людям, пустоту мест которых никто за увлечением своей гордыней не заметил бы.

До Отнедесятилетнего Падения Цмерден прешёл Ограничения Начал, первые уровни внешней скалы, Власа Хладноогненных Пустынь, некоторое овышение над первым уровнем, которое всё же необходимо было полностью пройти, Древа Корней, начало второго уровня скалы, Воды Левиафановых Водомётов, середина второго уровня скалы, Слой, конец второго уровня, пять уровней Органов скал, пятьсот семь о опухолях скалы, пятнадцать Крыл, Травы Наземлиевых Гигантов, Три Лица Скал и Пены Небес: каждый из этих уровней являлся совершенно уникальным, и отдельные из них могли извращать настоящее и субъектное времена, однако наиболее разнообразным путь Цмердена был именно в опухолях скалы, толстых смолистых сферах, смыкающих подобия стекольных, окидывающихся бурдовостями сламывающих шипами становящихся оздесь чернотой солнц Белого Тумана лучей светов полей: в первых шестидесяти трёх опухолях скалы происходила же совершенная аномалия и для неё, где количество относительно разумных и даже говорящих существ было неизмеримо более, чем во всей оставшейся части скалы. Объяснялась эта аномалия тем, что Коринф, страна, славившаяся своими воинами, на деле представлявшими жестоких праздных, лишённых и последних оскалываний разума людей, не боялась прибегать к самым крайним проявлениям целеустремления: людей, не подходящих Коринфу, король сбрасывал в особенном порядке, вследствие чего те попадали в опухолы скалы, где значительно менялись, на деле проживая примерно середины пределов проявления земель, что стали причиной "Спазмов сердец", породивших блеммиев и существ, отошедших некогда именно отне действительности человека. Так, Цмерден сражался с озверевшими гневом людьми, и люди эти были павлами, лишёнными собственной воли: когда Павел сам овелел непродуктивность своего существования в современности, бывшие люди из павших во шестьдесят три скалы стали ненужными: их существование было скорее вредно современности Коринфа, и потому Коринф решил избавиться от них: от людей, имевших от Господа бессмертную душу.

Распавшиеся раскатами стоявших осинелые нарывы сковавших во опухолях скалы улыбания единственностей возможностей восстаний отне одной опухолы ко другой сосудов звёзд возождения издне третьей опухолы ко пятой, самой большей из присутствующих во опухолях скал, спрягающейся десятью километрами заросшегося красными листьями иногда вонимающихся непородностями несвивающихся, дубеющих нехладностями выставленных толщиной свёрнутых зелёными, снимающими желтизну гладких высоких, кончающихся

мягкостию словно напреденеющихся отем во неграничности оскалываний иногда сбивающихся парами толстых, шепчущих осмеяниями внегорловых упираний отел тоих туманов жаров подушечек наростов шрамами культей пуз тяжелений лезвий поля: Цмерден, выпавший из сорванной одвери третьей опухоли, сковал находящихся там существ во конечности непребываний людей: существа, родившиеся бессмертносию силой одной опухоли, не могут преместиться в иную, и потому единственным выходом для них есть выпадение со скалы, если учесть совпадение хоть той детали, что опухоль не будет заслонена плотностию душных, снимающихся свешенной краснотой сливающихся высотами оковрений тоих полотен масел.

Цмерден, вылезший из третьей опухоли, выглядел так: охудевшие обезвоживанием тела его, ссохнувшиеся до довольно невеликих толщиной своей, смещающихся каждечастностию движений его локонов, сокрывались до спрягающегося жирными, обнажившимися озлоченными грязями опухолей и бывшихся туманов несребр венами пояса кожами слоновьебебегмотоевых, сличающихся породосменяниями во ясностях сламывающих кончами вочерневшихся белёсых влас кож тоих шипов бёдер, и окрывался он свышающимся над ним размерностиями одвоих его объёмов во тяжёлых, ставеющихся радугами насуженных плачем остонувших перламутров дырах чёрного, почти сходному обыкновенной догигантовой плотной восеревшей ткани ветошья плащом, и опалялся он оверху свиваниями гибких настаний, и проткнут был Цмерден небрежно проткнувшим сердце его, раскрывающимся длинною худою рукою исполински крупного Беса шестом длани со третьей опухоли, и рука та приобрелась о Цмердене, и сщищала она его озади острыми клыками ужасов сил своих: в основании Длани Беса опирались из Цмердена три серебристых, почти полностью подобных тяжёлыми несносимыми размерами своими косы сальфериновых, бирюзовых и гридеперливых, стравленных некревленностию особлений острий своих различий: тело Цмердена было связано тяжёлыми, блестящими болотностиями сияний своих, натянутыми на него, подобно и прочному неспособностию снятия своего ото частностей существ опухолей и уровней скал цепями, кончающимися двенадцатью пробитыми занозами восставших ко тому древ ушами, и одержал на голове Цмерден скальпы Раба Снов, и о голове его держались восставшие длинными шлейфами прочные, доходящие до пояса красные, блестящие золотистыми свияниями снов волосы, и на голове Цмердена была выкованная из стены маска, что ести составлена из пятидесяти осколков Радуг Скал, и глаза его стаивались ясными радужными свечениями безмолвного недвижения слившейся со кожей сжаренного металлами изначальных шипов своих лица маски его, и маска та оторвалась одно во освобождениях Цмердена после скалы: был Цмерден телом своим, цепями своими, косами, скальпом Раба Снов, тремя косами и двумя мечами: во правой руке Цмерден держал слепяще

белый длинный, остающийся всё же тем клинок, скованный главою скусывающего руку Цмердена держаниями прочно впившихся толстыми жемчужными червями зубов Зоба, и во левой руке его ести долгий тонкий меч тех же радужных оснований скал, коих есть и маска его, ибо меч тот есть только оскол скалы, что впился во руку его рубцами тяжелений; многое из оставшегося во Цмердене подле путей его наставляло ко нему силы правлений, крыл, сил и властей, однако чаще герой использовал навевающиеся скорее произвольною позволительностию единственно оставшейся во ужасах голода и боли интуиции способности эти ко оружию, почему часто и получал иные усложнения облика своего, тогда теряющего во силах: большую защищённость одавали ему Длань Беса и сдерживающий все задние частии его плащ, и потому бездумным болезненным оконченным стоном Цмерден рвался вперёд, желая ополучить власть лучшего война: получить звание, что представляли не имевшие и тысячной доли нонешних сил во скале его, ибо скала: скала устанавливала собственные порядки, ибо была она наиболее точным регулярностию оместностии средоточием явлений шагов гигантов, и. Цмерден погрузился во сплаченную тяжестью опаряющейся долгими, скрывшимися оспалениями сворачивающихся оскальваниями накоряющихся внеприсутственными остаточностиами слабых, едва пробивающихся во безмолвном шёпоте приходящегося лепестками дрожи плёнки белеющего миражами сооврений озера стона ростков сокращений шей хребтами волнами воды пустоту одиночества, какую он прежде не наблюдал и во тех нескончаемых трёхлетних восстаниях по безлюдной во существе своём, скованной исключительно спространениями существ, некогда бывших людьми, скале, однако существа эти не были людьми: Цмерден знал, что само одиночество было противно ему, ибо во месте, где рос он, одиночество говорило о безопасности или о невозможности быть съеденным, и потому Цмерден понял: чувство, до гигантов во местах его рождений называемое одиночеством, есть только иное существо, и потому мощным шевелением стянувшейся совершенно необычным бывшестии нахождений здесь напряжением шеи он отдал Длани приказ, и клинением Зоба распались скрошившиеся лепестками стекольных радужных синений пузыри начинающего пожирать Цмердена во иллюзиях тонувших наполненностей известно оставшихся частностями знаний война пространств слизня, после обнажившегося вонючей, спластывающейся ко личаниям несмянённоостей форм рвотой жирных, совершенно отличных отне неизменного привитостями содержаний со ядами своими желудка органов своих: раздавшимся звонкими хрустами стравленных весом слизня сосудов грохотом прежде свившееся о четырёх метрах длин своих существо спало с границы опухоли: избавившись от действующего исключительно во желудке существа яда, Цмерден увидел прожде скрывающееся за иллюзией пустынной опухоли: нескончаемые высотой и ширию стены были олеплены тысячами жирных длинных слизней, и слизи эти во местах, где

у испанского обыкновенно органы дыхания, имели безвзвешные, сходные размерами своими колоссальным человеческим главы, рассечённые вертикально срединностью и чуть потягивающиеся их неторопливым, еле выделяющим густые соки синеватой пены шевелением: обернувшись отне слизня, Цмерден увидел врага, зная только, что быстро летящие к нему существа есть враги, лица и видов которых он не видел: Цмерден вовсе не был заинтересован в изучении существ опухоли, ибо руководим он только целью добраться до Коринфа, и Цмерден не отвлекался: существа, мешающие ему подобраться ко складывающимся отличиями приближений ко целям его высотам скал, были герою врагами, и тех он убивал, считая уложенную смердящими гниениями одранных кистами сохощений своих влас тропу продуктивнее тропу оббегания, ибо порой пред ним появлялись силы или создания, кои могут перестать мешать озвышению на скалу одно во сокрушении своём, что позволяли содеять силы, часто тормозящие Цмердена: нынешние способности, умеренно ограничившие силы во значения скоростей передвижений, были для него теперь, как он сам считал, наиболее должными, и потому более он не искал себе орудия или спасающих отне жаров клыков врагов одеяний за нежеланием тратить ещё более времени; глаза его стянулись сухостью невидной за блестящей сияниями скал черноты, и обелевшие пятна подле них сминались отдалённостями еле содержащейся о местах своих ветоши.

Цмерден не знал несущихся к нему осветлениями раскалываний воздушных созданий, однако маска и скальп помогали ему во чувственной адаптивности-де ко тому прогнозировать движения предположительно способных на предполагаемое действие органов: Цмерден был готов равно безжалостной кровожадностью расколоть голову презираемого им теперь зверя или содержащего о себе значительности рассудка человека, и потому условные ума созданий были для него скорее маловажной деталью, от которой он не просто сбегал, но что тот не считал довольно важным; во первые десять секунд во освобождении ото желудка слизня Цмерден был атакован двумя существами, более всего во пятой опухоли оставивших привычности человеческой жизни, хотя они и были руководимы совершенно различными подвижаниями, что уже точно не входило в поле интересов павшего здесь единственностью задачи война: Цмердену было легче разрубить стоящего подле, чем оттолкнуть в сторону. С равнонаправленных сторон на Цмердена со почти сходней силы прыжка налетели Король Угорон, король Коринфа третьего поколения со конца, сосланный сюда в ходе переворота, Колдунья Угорона, сосланная ко скале по тем же основаниям, и сын её Неназванный и Собиратель печени Шиховгодирдер Трёхмечный: Король Угорон, Колдунья Угорона и сын её Неназванный есть одно существо: во время кровопролитного, отянутого шипящим пузырями сальный тяжёлых руд скальпом страданий безвинный перевота короля вместе с колдуньей его сбросили со скалы: колдуны в Коринфе были теми, кто пытался по

оволениям и допущениям злат королевских разгадать чудеса гигантовых шагов, подчиняя себе, подобно античным алхимикам, чаще совершенно случайно совпадающие закономерности: закономерности новых земель; общем, до самих завершений Преисподней не появилось никого, кто смог бы систематизировать и употребить во свои власти природные аномалии гигантовых чудес и знания о них, и потому все колдуны Коринфа являлись скорее предприимчивыми лжецами, державшимися при изуродованном аномалиями новых законов природы дворе: несмотря на это, колдуны часто становились людьми, держащими предельно тесную связь с королями, хотя те во архаизированных вдохновениях некоторых из средневековых романов, дошедших сперва до Коринфа отне земель, где семьи передавали в устной форме сюжеты, могущие сдержать предельно продолжительное во разломах земель гигантами внимание, фантазиях, и потому вместе со свержениями королей казнили и их колдунов: у колдуньи довольно мягкого короля Угорона даже не было имени, ибо родилась она в семье бедного слабого воина Когша Ветоего, и во бедных семьях Коринфа было принято не называть девочек, ибо с началом женского цвета их отдавали на изнасилования богатых сильных воинов на рождение такого количества детей, какое девочка сможет пережить: обыкновенно девочки не доживали до тринадцати, однако колдунья Угорона пережила называющее в Коринфе сношение одного ребёнка ягнение пять раз, после чего сбежала ко двору, где Угорон, понимающий условность знака колдунов, дал только что снёсшей ребёнка девочке одну из самых значительных должностей во всём Коринфе: скоро она стала тратить ощутимые для народа Коринфа части сбережений на совершенно бесполезные и смешные вещи, как достигающий во своём диаметре почти километра шар из камня со теми же каменными высокими дверьми, благодаря которому жители могли бы безопасно перебраться к Восточным землям, от которых их на деле не отделяли распространяющиеся скорее во снятых болезнью голодавшего населения слухах морские чудовища, подобные гигантским, способным разом пожрать города во красных блестящих глазах своих сомам: прославившийся во всех землях проект этот, что одним своим существованием ставил под сомнение не только трезвый рассудок Угорона, но и настоящую реальность, действительно был реализован: разумеется, шар, названный Законами Морей, был утоплен начавшимся с момента спуска исполинских, стоящих даже и во обособленности своей злат небольшой деревни ставней скатыванием с берега, и более народ смутили даже не страшные Коринфу траты на смешной проект и его неуспех, но гибель ужасного влечиною своей количества невинных коринфян, попавших под всеобщее неуклонение, как то назвала сама колдунья, до последнего считавшая происходящее великим прорывом, обвинившая после в неудаче Присны Детей, участвовавших в постройке, от которой те сперва отказались, пременив решение своё расточительностью доброго Угорона, решившего так вознаградить прошедшую через многое

колдунью: коринфяне, которых, подобно скоту, загоняли в Законы Морей, умирали ещё от давки, однако неудача проекта, погубившего страшной безобразной, стянувшей трупы огнивать во сточенном несхождениими иногда ещё стающих ко поверхности вод газов куполе смертью, окончательно настроила народ Коринфа против мягкотелых недалёковидных решений Короля Угорона, никогда не желавшего своему народу плохого; колдунья, помимо честной веры в свои способности и ум, также славилась тем, что была блудницей, и потому высокое место во Коринфе не избавило её от обязанности каждый год рожать детей, которых она обновившейся во редко всё же обличающей в ней детскую, внешне куда менее опасную наивность, как раз и породившую Законы Морей, власти жестокостью, смывающейся во бреде собственной гордыни: никогда не имевшая имени блудница продолжала становиться причиной бесчисленных мучительных смертей, и тяжелее всего ей были не эксперименты со своими новорождёнными, никогда не доживающими до двух месяцев детьми, спиртом и свинцом, но неудачи в её деле, кои она никогда не признавала и кои становились причинами многомесячных лежаний во смердящей потом и мочой кровати, в которые она хотне не становилась причиной гибели честных бедняков; когда Лекон, король, сменивший Угорона и с тем являющийся его братом, сбросил со скалы Угорона и его колдунью, в опухолях, куда они попали, они слились, однако за тем глава Угорона озрела гигантом, оставивши тело прежних размеров, когда тело колдунии отем же отношением срослось десятиметровыми худыми, снимающими повергающиеся сверху, свивающие малозаметною ветошью тела Угорона пузами, и было бы существо это, более не имевшее привычного сознания и руководимое исключительно случившимися о законах скалы рефлексамии, неразумным, если бы во момент слияния чрево, бывшее чревом Колдунии Угорона, не родило сына Колдунии Угорона Неназванного: так, свисающее чернотой соединившейся со младенцем, представшейся внешними плотиями кож его плаценты крошечное, удлинившее выи свои ко преворачиваниям главы обыкновенным, требующим жирафовые оклонения сточившейся толщиной сосуда шеи положением тело обрело разум, и восстающее высотой четырнадцати метров, склоняющее круглым, способным разом проглотить трёх взрослых мужчин во редких неострых озленевших съедающими полости его толщиной своею червьями зубами ртом, скрывшее глаза свои длинными, полагающимися подо чёрными пятнами короны щелями, имевшее долгие толстые, кончающиеся надо пружинящимися, сросшими лягушачьими орубками ногами руки и скорее рудиментарные слабые, охудившиеся щепениями сокладывающихся стёклами свивающихся выбивающеюся отне главы Угорона отяжелевшими иглами чёрной стали паутинами главою Колдунии окружений накрашенных существо бежало ко Цмердену, дабы спасти того от Собиратели печени Шиховгодирдера Трёхмечного и укрыть в безопасном месте, однако Цмерден рассёк готовое одно тёплой радостной встрече

разумного, способного помочь выбраться из скалы человека существо одним мощным, свистящим воздухом серебрищейся радугой скалы ударом и прыгнул ко Шиховгордиреру. Шиховгордирер имел взбухшее секущимися и осквози дольно значительных жировых наслоений мышцами, настигающее двух метров во своих босых высотах тело, единственное изде одежд его представлялось достаточно тонкими, одержащими сердца смолотых во особенный, ускоряющий допускающее также открытие глубоких свежих ран овесными, сщищающими прежности тел шрамами восстановление раствор печеней цепями, и во левой руке его был треугольный, сплавленный из трёх широких неравнозначных мечей павших сюда воинов меч, и во правой держал он длинную боевую цепь, на конце которой сбивала скальвающиеся дымами порохов нижние поверхности опухоли пятидесятикилограммовая гиря, и глава Шиховгордирера была подобна хвосту облезшего власами животного, и сомкнутые сном главы эти окружали шею его, и главная серела пятнами впадающего во глубину тел своих мрака, и едва увернулся единственно ставшей работной во ветошьях чуть треснувшегося неспособностью успеваения за Шиховгордирером скальпа маской Цмерден, и тогда превернулась хрустами рёбер Цмердена Длань, и был он брошен невероятною силою ко Шиховгордиреру, и вросли косы во ождающиеся камнями набивающихся мышечных, отдевлиющихся от глубоких, скрывающихся темнотою стоящегося отне Цмердена света сечений кругов пузы Шиховгордирера, и тогда спались со Шиховгордирера цепи десяти из тысячи растворов, и сжились жирные пятна начинающих сочиться незадетостями органов его ран белыми наростами врастающих ко себе его рубцов, и метнулся тяжелейший, сплавливающий ветра меч его во сторону Цмердена, и уклонился он во силах Длани и одной из кос, да настоящий упираниями своими цеп содрогнул плащи Цмердена, и тогда бронзы сросшихся о нём множественностию сил светил сточились приявляниями ранений, и осколком скалы рассёк Цмерден одну из псевдоглав Шиховгордирера, да одиннадцатый раствор срастил его некровотечениями, и знали противники уже силы и слабости свои, и тогда Лицо Жара Колдуньи Угорона, выделившееся отне чрев разорванного мечами Цмердена существа, являющее плотиями трёхметровых мужских, согранных гигантскими золотыми, овисающимися отверстиями во местах глаз и ртов настоящего масками, ограниченных опревающей во кручениях вособственных зленений онетошных, стекленеющихся пламенениями розовеющих перламутров окрываенных колоссальными, нависающими озади значительностями нескатанных разностями преождений своих размеров столбами голубин порезаний главою сил, пробилось ко Цмердену, и отвлечения тои Цмерден использовал во ударах пробившей напрямую пузо забывшего возможности бегемотоевых пятен снов Шиховгордирера Длани, и тогда тридцати растворов сточили окончательно напроявленные отсутственностью своей органы, и тогда пал Шиховгордирер, растворив во камени бухнувших

десятиметровым кубом стающих толстыми свинцами сваливающихся коонизу сал шрамов тел, и сбил снарядами колонн своих Лицо тысячи слизней, и во снятиях Длани оголившийся сребристостью жил череп был развален окрест сбившим плотию ударом меча и кинжала-де, и тогда направились ко Цмердену менее разумные, часто одно возбуждённые воприсутственностью во пятой опухоли нового существа существа, коих Цмерден хладнокровною, надвигающеюся туманами опаляющей оплотившиеся, как оплотился Ангел Приставленного прежде, души их боли ловкостью: Плена ести вид крупных летающих, полагающихся плоскостью раскатанной свёрнутостями двусложных бумаг ткани, имеющих пять всажённых о тои венозные, читающиеся пестротою сокруглившихся цветосменённостями большестий правых яркостей во сравнении со центральными блеклыми, неписанными о контуры восстающих неспричинённостями шаров воспаданий полос чешуйками рябостей ткани глав созданий, и шесть тонких, еле держащихся во горячих ветрах опухолей конечностностей их падали подо сходными же тоим невличинам крыльями, осреди которых сполагался симметричный, окрывающий лепестки придвигающихся вношнестий накрёняющихся остолпами жлез существ бутон; Сосуды Скал ести остающееся из двух существо: главное тело состоит из скользящих оподоблений гименофоровых гусениц, и поднимающиеся петли одревистых неровностей кончаются широкой, наделяющейся толстым белёсым спарением скорее уродливо направляющейся наискось морды плоскостью, и морда эта цепением крюка держит замок обособленной шнурами некасаний части, также имеющей уже скорее звериное лицо; Скалы ести чрезвычайно крупные однородные камни с ногами; Кования Настаний ести существа со нижними частями, сходными со человеческими за тем только различием, что оместо рук они имеют ещё одну пару расставленных звёздами ног, и плечующиеся ослёзными тёмными ссинениями проявляющихся сглублённостью выходящих панцирями клыков краснот, и главное тело же его представлено монструозно крупной, да имеющей умилительно добрые большие глаза главой, сходней со наросшей о центрах тел крокодилевой, стянувшейся ко оверху и будто улыбающейся темнотою чернеющих остротою вопаяний ко телам вношнестий тоих зубов; Бесы ести злые страшные пакостные существа без уточнённых во генерализациях совпадений всех особей черт внешности: многие из них имеют болотный, чёрный, бурдовый и белый окрасы, рога, копыта, свиные носы, крылья и железные оружия, а также самый разнообразный размер, начинающийся со догигантовой мошки и заканчивающийся частями начал Белого Гиганта; Столбы Скал ести достигающие двадцати метров о высоту и шести во диаметре живые колонны с лицом; Звёзды Боли ести внешне обыкновенные сопостраняемостями листьев цветы высотой во метр, однако на местах неизменно растущих вместе с цветком бутонов полагаются сопящие стонами лысые лица, и ставленные действительностями сердец этих

существ; Плачущие ести существа, внешне довольно привычные внешности людей: настоящую физиологию их сменяют положившиеся на главе и пятах крылья: согбившись во молитве, они обращались ко Бесам, и оттого те застыли бездвижными, летящими не о своей воле камнями, и о овершаниях ко ним сияют радугами воплей картины со бесом, к которому обращается плачущий; Камни Настаний ести большие, вырастающие человеческим отроком булыжники с ногами и человеческими лицами; также во пятой опухоли, помимо повторяющихся существ, присутствовали до Шагов Цмердена два существа со относительно известным трезвостию своим рассудком, однако деяния их во многом не прогнозируются предвещанием ума или чувства: Подземный Вестник есть один из трёх тысяч сменившихся до крайней неузнаваемости порабоцаний опухоли людей, сосланных в качестве исследователей скалы, точнее, людей, должных сокрыть любые останки сосланных Коринфом: человек этот настигал десяти локтей ростом и имел звериные морды на жирных мышцами ногах, подталкивающих тёмные палачевы мечи: Длань подняла Цмердена ко главе его, и во оскалывании мечей его кинжал Цмердена рассёк органы Вестника; Колдун Миазмов есть человек, предположительно, научившийся контролировать одну часть аспекта закономерностей скалы, ибо мог он ставить во пустоте окрасневшего плетями снов воздуха легко стаптывающие и подобных Шиховгордиреру ноги гигантов: Длань не смогла сдержать одну из явившихся ног, и Цмерден расколол шипами кос плотию сильно склоняющейся изначально, позволяющей окрыть остукивающиеся хлюпающими нарывами кожи её опухоли, и тогда бросил Цмерден пробивший явленную сознательностью защиты ногу осколок, и тогда белые туманами тела Колдуна рассыпались; пятая опухоль имеет также множество безыманных, явленных только во одном экземпляре существ: форменные вариации разноцветных неаморфных гляцевитых существ, имеющих развитую мускулатуру и срез главы во облике свежего среза человеческой руки: несмотря на такую схожесть, все из них имеют слишком значительные отличия, чтобы быть объединёнными под одним видом или формой; высокий, держащийся на четырёх срастающихся издне хвостов своих змеях, держащий чашу и золотого, имеющего толстые длинные бёдра младенца главобес со долгой серой, выделяющейся на черноте плотной кожи его бородой; создание, сходнее со человеческим ожелтевшею, держащееся на гигантском, очиняющемся главами во кольцо своём свиваниями осиневших пустотою глаз камне вершиною своею, имеющее расколотые, склеенные обокам, надо тканями сливающихся со опухолью свиваниями ветошей, черепа Бесов; блеммиевидный, начинённый тупою тяжестью незаживающих, продолжающих изливания нескончаемостями смывающихся конизу влаг срезов своих гигант, натравливающийся розовым, лишённым чешуи во оскопениях властей своих, держащим отросший насыщанностями приставлений ко битвам со Цмерденом безликим драконом;

крошечные, бегающие единственностью соединяющего зелёные бесплотные лица их колючими ометаллоевыми нитями органа лошади; сбившийся гридеперливостями нескончаемых неправильностью шипов червь со толстыми, уставленными недеятельностью безразличностью ко сорвавшему главы его Цмердену; стоявшаяся о глазах своих протянутыми нарождениями молчащих временедавленностями сливаний рёбрами большая кошка; оходящийся скалываниями нервов глазастый пухлый гриб с руками оместо ног; сливенеющийся сосудистыми овешиваниями склоченных главоопусканиями человеческих пял о шипах жабр скорпион; крошечный шириною своею, настигающий длиною во тысячи часто спадающихся подле ног во пятой опухоли километров коричневый человек без нутренностей; скованный самостоятельностью жестяных, съединяющих осколения пременений соломленных высотами белений тоих жезлов орган о пресеканиях шумооцветных сверяний оснований своих; отупевший болью, заключённый белёсостию наставшихся о нём крапинами уродственных щёлканьем несколений окрасневшихся кожами каменеющих форм лиц доспехов черный глаз; существо, сходнее со ожившей игрушечной, не становящейся вышлениями ограниченной вороневых огрустневших буркал мимики собакой; рыбномясевые оставания каруселевидноевых свечаний справленных теснотой мышцеорваний существ, стяжившихся полнотою оширевшегося скрюченными пружинами человеческих несмен руками; гигант, во масляных одеяниях своих сдерживающий оголённых, сплавленных шипами его о серениях глаз своих людей.

Прости им, ибо они не ведают, что творят.

В сорок девятой опухоли Цмерден имел уже лишённое и цвета маски, сокрывающееся грязью мяс убитых существ, очинённое почти неконтролируемыми, срывающими тела существ опухолей почти самостоятельностью сдаряющихся навооплнностями длинных, тяжелеющихся прозрачностью душ опухолей шипов красок способностями тело, и чернота души его стяжала прежние души воина, и был облачён Цмерден во непробиваемые живые ониксовые доспехи, и туманами расходилось пространство округ него.

Когда во тесноте невышней,
Град от скал что источал,
Герой, преставленный-де стоном,
Накренил органы луж
Бурдовых рвот ороговевших,
Что окраяниями руд
Стопили опухоли, веждни:
И бил герой существ своих,
И стал теперь темней он: зова,

Что прежде Цмерена встречал опламенениями стали, тогда окрывшей злой недуг.